

ШИШКИН Сергей Леонидович,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: s.l.shishkin@list.ru

КВАЗИФИДУЦИАРНЫЙ ХАРАКТЕР ЛИЗИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка переосмыслить природу лизинговых отношений с точки зрения субъективного отношения их участников для обоснования причин формирования повышенного стандарта добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя в отношениях хозяйствующих субъектов. Выявлены наиболее характерные признаки фидуциарных правоотношений в отечественной правовой доктрине и в рамках системы общего права, которые обосновывают квазифидуциарную природу лизинговых отношений и уже находят свое отражение в современной правоприменительной практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, фидуциарные правоотношения, слабая сторона договора, добросовестность, анализ судебной практики, Верховный Суд РФ.

SHISHKIN Sergey Leonidovich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Corporate Law,
Saint Petersburg State University of Economics

THE QUASI-FIDUCIARY NATURE OF THE LEASING RELATIONSHIP

ANNOTATION. This article attempts to rethink the nature of leasing relations from the point of view of the subjective attitude of their participants in order to substantiate the reasons for the formation of an increased standard of integrity and due diligence of the lessor in the relations of business entities. The most characteristic features of fiduciary legal relations in the domestic legal doctrine and within the framework of the common law system have been identified, which substantiate the quasi-fiduciary nature of leasing relations and are already reflected in modern law enforcement practice.

KEY WORDS: leasing, lessor, lessee, fiduciary relations, weak side of the contract, good faith, analysis of judicial practice, the Supreme Court of the Russian Federation.

Последние годы развития правоприменительной практики в области лизинговых споров, а также принятие отечественной доктриной концепции слабой стороны в отношениях хозяйствующих участников изменили парадигму лизинговых правоотношений. В настоящее время утилитарный механизм распределения рисков по договору лизинга, предусмотренный ГК РФ и ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», равно как и привычная свобода договора на стороне профессионального участника рынка – лизингодателя перестали действовать. Как указал Верховный суд РФ – применение сформулированного при заключении договора условия, даже если оно считалось разумным на момент совершения сделки, может привести к явно несправедливым последствиям в конкретной ситуации (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ) от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453).

Правоприменительная практика фактически ликвидировала сформированные лизинговым рынком стандарты договорной работы (см. Определение СКЭС ВС РФ от 29.06.2023 N 307-ЭС23-5453), порядок расчета сальдо встречных

обязательств (см. Определение СКЭС ВС РФ от 01.09.2022 N 305-ЭС22-2212), порядок расчета выкупной цены (см. Определение СКЭС ВС РФ от 25.09.2025 N 305-ЭС23-808), условия расторжения договора лизинга. При этом новых стандартов она не сформировала. Вышеуказанный подход, при котором любые условия договора могут быть признаны недействительными или же просто не будут приняты в расчет судом на том основании, что они поставили лизингополучателя в затруднительное положение (особенно в случае самостоятельного нарушения им условий договора) не способствуют стабильности гражданского оборота.

Перераспределение бремени доказывания диктует потребность лизингодателю подробно раскрывать порядок заключения договора лизинга и безусловную возможность влияния лизингополучателя на содержание заключаемого договора лизинга. Стоит ли говорить о том, что доказывание отрицательного факта (а именно отсутствие замечаний и пожеланий лизингополучателя к условиям договора) само по себе является бессмысленным, так как на ликвидационной стадии договора лизинга для суда при возникновении спора это может не иметь никакого право-

вого значения.

Данные ограничения не совсем укладываются в привычное понимание правовой природы лизинга как кредитно-посреднического договора [1; 2] и совсем не вписываются в классическое понимание лизинга как особой разновидности договора аренды [3]. Отступление от начал равенства хозяйствующих участников гражданского оборота и признание лизингополучателя слабой стороной договора лизинга [4] формирует потребность доктринального обоснования требований к повышенному стандарту добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя [5]. В качестве такового может являться квазифидуциарная природа лизинговых правоотношений.

Именно вопрос правовой природы лизинга, как это ни парадоксально, становится ключевым при определении пределов добросовестности лизингодателя в период правовой неопределенности.

Не отягощая настоящую работу изучением генезиса фидуциарных отношений начиная с древнеримских времен целесообразно сразу обратиться к современной отечественной доктрине [6; 7; 8; 9], которая рассматривает фидуциарные сделки как отношения, основанные на доверии и(или) с несовпадением внешней юридической формы и внутреннего экономического содержания [10].

Последний квалифицирующий признак фидуциарных отношений выведен на основе работ советских [11] и дореволюционных [12] исследователей, в свою очередь базирующихся на трудах немецких ученых-пандектистов [13].

Критерий доверия как квалифицирующий признак фидуциарных сделок является крайне неосязаемым в силу того, что он присутствует в той или иной форме в каждой из сделок.

Как справедливо демонстрирует И.И. Зикун: «субъективный критерий доверия одного лица другому не только представляет собой «каучуковое» понятие, но и не соответствует требованию верификации. Требование внутреннего субъективного (личного) доверия к контрагенту относится не к сфере научно-правового исследования, а скорее к сфере этики, морали, нравственности или даже религии» [14, с. 68].

Ему вторит Зорин В.С., который отмечает, что в зависимости от фидуциарной сделки доверие как признак может как иметь сильное проявление во взаимоотношениях между сторонами, тогда, например, такая сделка заключается с доверенным лицом, так и почти полностью отсутствовать [15, с. 232].

В связи с вышеизложенным в common law зачастую встречается позиция, согласно которой дать определение фидуциарным правоотношениям в принципе невозможно [16].

Чаще всего в ответственной цивилистике в качестве примера лично-доверительных отноше-

ний как признака фидуциарной сделки приводят выдачу доверенности. Элемент доверия здесь может как присутствовать, так и существовать на уровне, характерном для любых обязательственных правоотношений. Так, например, выдача электронной банковской доверенности на сотрудников кредитного учреждения для удаленного открытия банковского счета (в конкретном учреждении и на конкретный счет) абсолютно никаких рисков для доверителя не несет, а самих сотрудников банка, которых он уполномочил, он в жизни не видел и не увидит. Напротив, в ситуации когда человеку требуется медицинская помощь и он принимает решение обратиться в конкретное медицинское учреждение к конкретному врачу на основании сложившейся у того репутации и отзывов пациентов, главенствующую роль при заключении договора оказания медицинской помощи будет играть доверие, но при этом такая сделка в соответствии с господствующей доктриной фидуциарной являться не будет.

Таким образом, критерий доверия является крайне субъективной категорией, коль скоро лично-доверительные отношения не являются ни юридическим, ни, тем более, верифицируемым понятием. В лизинговых правоотношениях лизингополучатель перечисляет лизингодателю аванс и поручает заключить договор купли-продажи на приобретение предмета лизинга у указанного им продавца в связи с чем элемент доверия здесь прослеживается ничуть не меньший, чем в отношениях доверителя и поверенного, бенефициара и агента, комитента и комиссионера..

Критерий расщепления формы и содержания сделки как квалифицирующий признак фидуциарных сделок является прямым следствием римского наследия этого института, который предполагал передачу абсолютного субъективного гражданского права. При этом по мнению ряда цивилистов [17] передаваемое право собственности по *fiducia cum creditore* (фидуция с кредитором) и *fiducia cum amico* (фидуция с другом) было ограничено обязательством это имущество вернуть при наступлении определенных обстоятельств.

Нагляднее всего такой признак фидуциарной сделки проявляется в сделке возвратного лизинга, где расщепляется экономическая цель сторон – получить/предоставить кредит на пополнение оборотных средств и юридическая форма – договор финансовой аренды, в силу которого переход права собственности носит характер титульного обеспечения.

Еще более относимые к лизинговым правоотношениям признаки фидуциарных сделок базируются на совершенно самобытном подходе common law, где, кстати, сами по себе лизинговые правоотношения и зародились.

Как отмечает Зикун И.И., начиная с 80-х годов XX в. право common law исходит из того, что признание правоотношения фидуциарным зави-

сит от фактических обстоятельств дела и определяется степенью зависимости одного субъекта от другого, которая раскрывается на основании двух критериев: критерия доверия и критерия уязвимости [14, с. 61].

Здесь критерий доверия также является вполне растяжимым и, скорее, второстепенным, который может явствовать, например, из отношений банка и депозитария. С учетом озвученных выше характерных черт лизинговых отношений критерий доверия вполне удовлетворяется через смешанную правовую природу лизинговых отношений, с одной стороны с элементами агентирования и поручения, а с другой стороны связанную с распоряжением денежными средствами лизингополучателя.

Что касается **критерия уязвимости**, то тут вполне уместно обратиться к примеру Зорина В.С., который умозрительно демонстрирует, что фидуциант может сознательно идти на риск при заключении договора займа с фидуциарием, которого он не знает, но который готов обеспечить значительно меньший процент, нежели это было бы реализовано посредством залоговых конструкций, либо в случаях, когда доступ к банковскому финансированию перекрыт из-за отрицательной кредитной истории. В таком случае предоставление заемных средств осуществляется под передачу займодателю соответствующего субъективного гражданского права на тот или иной актив [15, с. 232].

Как видно из представленного примера фидуциант может не испытывать никакого доверия к фидуциарию, но вынужден заключить сделку из-за преимущественных условий последнего, который, кстати, чаще всего является профессиональным участником соответствующего рынка.

Наглядным становится пример и типовой лизинговой операции, в рамках которой приобретение актива путем предоставления лизингового финансирования является, как правило, экономически более целесообразным, нежели путем банковского финансирования под залог приобретаемого актива. Либо же банковское финансирование может быть непривлекательно из-за жесткой кредитной политики банка и требований, предъявляемых к показателям финансовой-хозяйственной деятельности заемщика, в то время как лизингодатели с учетом обеспечительной природы права собственности могут позволить себе более мягкие требования к потенциальным клиентам.

Кроме того, критерий уязвимости может проявляться через невозможность исправления последствий действий фидуциария - неправильное использование полученного аванса и приобретение предмета лизинга с нарушением стандарта добросовестности и должной осмотрительности лишает лизингополучателя возможности получить предмет лизинга. В лучшем случае, судебный спор позволит избежать возложения

убытков лизингодателя на лизингополучателя в полном объеме (см. Определение СКЭС ВС РФ от 18.10.2023 N 305-ЭС23-8962).

В основном же критерий уязвимости удовлетворяется через особый статус лизингополучателя как слабой стороны по договору лизинга (см. Определения СКЭС ВС РФ от 14.11.2023 N 305-ЭС23-11168, от 01.09.2022 N 305-ЭС22-2212, от 10.10.2023 N 305-ЭС23-12470), поскольку с одной стороны действующее правовое регулирование носит прокредиторскую направленность (например, закреплённый п. 2 ст. 22 ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» подход к распределению рисков по договору лизинга), а с другой стороны лизингополучатель имеет достаточно условные правовые механизмы, позволяющих защитить его право в случае злоупотребления, основанные на судебском усмотрении и применении универсального требования добросовестности.

На последнем следует остановиться подробнее. Повсеместное применение в лизинговых спорах повышенного стандарта добросовестности лизингодателя на наш взгляд связано с тем, что отечественная доктрина фактически включает в одну правовую конструкцию две обособленные категории, которые разделены в common law - «duty of loyalty» и «duty of good faith». Если в отношении должной осмотрительности и ее зарубежного аналога «duty of care» особых вопросов не возникает, то в отношении универсального принципа добросовестности (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ) размывается грань между обязанностью действовать в интересах другой стороны - «duty of loyalty», что включает приоритет интересов организации, клиента, принципала или бенефициара над личными интересами и собственно добросовестностью «duty of good faith» - обязанностью действовать в рамках закона, не злоупотребляя позитивным правом.

В системе common law- «duty of loyalty» и «duty of good faith» являются понятиями, через которые раскрываются фидуциарные обязанности в правоотношениях [16, с. 11].

Квинтэссенцией понимания «duty of loyalty» в фидуциарных правоотношениях является ограничение возможности получения сверхбогатства фидуциария без надлежащего согласия фидуцианта как путем получения дополнительного вознаграждения от третьих лиц за осуществление им своих функций определенным образом (см. дело *Mothew (t/a Stapley & Co) v Bristol & West Building Society Respondant* [1996] EWCA Civ 533), так и за счет «скрытых скидок» (см. дело *Fiona Trust & Holding Corp v Privalov* [2011] EWHC 715). Полагаем, с учетом тенденции правоприменительной практики случаи получения лизинговыми компаниями «скрытых» скидок от поставщиков через возврат переплаты реальной стоимости приобретаемого предмета лизинга также были бы учтены судами в качестве предоставления ли-

зингополучателя в случае расторжения договора лизинга или подлежали бы возврату последним в случае исполнения договора лизинга надлежащим образом.

Следует отметить, что позитивным эффектом применения принципа добросовестности в отличие от фидуциарных правил в отечественной правовой системе является исключение необходимости в рамках судебного спора устанавливать какие-либо обстоятельства, допускающие распространение принципа добросовестности на рассматриваемый кейс – он носит универсальный характер. Напротив, в случае необходимости установления фидуциарных отношений требуется изучение обстоятельств, способствующих их формированию, в том числе критериев доверия и уязвимости (хотя на наш взгляд оба определяющих элемента уже презюмируются вышеизложенной правоприменительной практикой Верховного Суда Российской Федерации) только после чего начинается анализ соответствия поведения фидуциария установленным стандартам.

Частичная подмена фидуциарных отношений принципом добросовестности заставляет задуматься о слишком растянутом его применении, при этом динамика развития правоотношений, введение новых юридических конструкций заставляют придумывать новые границы принципа добросовестности, что с учетом рецепции зарубежных инструментов буквально нарушает стройность системы правовых регуляторов [18].

Учитывая обоснованное повышение требуемого стандарта поведения в фидуциарных отношениях, необходимо признать его уместность. Так, признание лизинговых правоотношений квазифидуциарными позволит доктринально обосновать сформированную презумпцию недобросовестности лизингодателя, а также соответствующее перераспределение бремени доказывания [19], что является отдельно поименованным последствием фидуциарной обязанности в системе common law.

В свою очередь квазифидуциарный характер лизинговых правоотношений, основанных на доверии и уязвимости лизингополучателя, позволяет очертить пределы или стандарты его добросовестности при заключении, исполнении

и расторжении договора лизинга. Да, в отличие от классических фидуциарных отношений, в лизинговых присутствует дуализм имущественных интересов и обязанностей лизингодателя по отношению к лизингополучателю, чем и объясняется невозможность кристаллизировать их фидуциарную природу. При возникновении конфликта между имущественными интересами лизингодателя и лизингополучателя кредитор-лизингодатель безусловно и правомерно будет преследовать прежде всего свои собственные цели, однако только в пределах, которые правоприменительная практика определяет как разумные.

В заключении следует отметить, что в российской научной доктрине не существует единого подхода к определению признаков фидуциарных отношений, а также к вытекающим правовым последствиям признания отношений таковыми. Одна из причин слабой разработанности данного института – повсеместное применение в отечественном правовом регулировании универсального принципа добросовестности. Однако, несмотря на все преимущества, он не может больше обосновать повышенный стандарт добросовестности и должной осмотрительности для одной из, казалось бы, равных хозяйствующих сторон правоотношений. Зарубежный опыт также не дает универсального механизма, готового к имплементации в отечественное регулирование.

Дисбаланс средств правовой защиты участников отношений, который наблюдается в лизинговых спорах, наряду с устаревшим правовым регулированием диктует потребность в доктринальном обосновании.

Квазифидуциарная природа лизинговых правоотношений, на наш взгляд, является таким обоснованием повышенного стандарта поведения лизингодателя, который оправдывается тем, что лизинговые отношения возникают посредством наиболее уязвимой позиции лизингополучателя, возникшей не только в связи с экономической нецелесообразностью и несоразмерностью использования иных моделей финансирования, но и в связи с уверенностью в лизингодателе как в добросовестном профессиональном участнике рынка, преследующем интересы лизингополучателя.

Список литературы:

- [1] Егоров А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. N 3. С. 36–60.
- [2] Громов С. А. Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности / С. А. Громов // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 12. – С. 113–154
- [3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.
- [4] Шишкин С.Л. Лизингополучатель как слабая сторона договора финансовой аренды (лизинга) // Экономика и право в России и мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / ред.: И.И. Ивановская, М.В. Поснова. Петрозаводск, 2024. С. 87–100.
- [5] Шишкин С.Л. Актуальные вопросы добросовестности и должной осмотрительности лизингодателя при заключении, исполнении и расторжении договора купли-продажи // Академическая наука.

2025. N 1. С. 68–71.

[6] Дружинин Г. В. Правовая природа фидуциарных отношений // *ExLegis: правовые исследования*. – 2016. – № 1. – С. 26–29.

[7] Колиева А. Э. Особенности фидуциарных правоотношений в цивилистических исследованиях // *Вестник Евразийской академии административных наук*. – 2016. – № 2(35). – С. 100–108.

[8] *Гражданское право: Учебник. В 3 томах. Т. 1 / Под редакцией А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп.* Москва: Проспект, 2023. 1040 с.

[9] Боровая Л. Д. Правовое регулирование фидуциарных (лично-доверительных) отношений // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2008. – № 2. – С. 139–140.

[10] Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность) : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сырбо Владислав Анатольевич. – Москва, 2009. – 216 с.

[11] Иоффе О.С. Советское гражданское право М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.

[12] Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая. СПб., 1911. 780 с.

[13] Regelsberger F. Zwei Beiträage zur Lehre von der Cession. *Archiv fuer die civilistische Praxis*. 1880. Bd. 63. S. 157–207

[14] Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность / И. И. Зикун // *Вестник гражданского права*. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 52–103.

[15] Зорин В.С. Понятие и содержание фидуциарных правоотношений // *Вестник гражданского права*. 2024. N 2. С. 220–241.

[16] Martin Gelter, Geneviève Helleringer. *Fiduciary Principles in European Civil Law Systems*. 2018. 41 p.

[17] Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // *Вестник гражданского права*. – 2018. – Т. 18, № 6. – С. 192–219.

[18] Блоги: Гуськов Д. Об отношениях (фидуциарных) [Электронный ресурс] // Дмитрий Гуськов. 04.07.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/4/ob_otnosheniyah_fiduciarnyh#_ftn4 (дата обращения: 23.01.2026).

[19] Шишкин С. Л. Презумпция недобросовестности лизингодателя при поручительстве лизингополучателя за поставщика как развитие фидуциарных обязательств в лизинге // *Теория и практика общественного развития*. – 2025. – № 10(210). – С. 315–321.

References:

[1] Egorov A.V. Leasing: Rent or Financing? // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 3. pp. 36–60.

[2] Gromov S.A. A Fundamental Turnaround in the Practice of Applying Legislation on Leasing Activities / S.A. Gromov // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. – 2011. – No. 12. – pp. 113–154

[3] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Contract Law. Property Transfer Agreements*. 4th ed., stereotypical. Moscow: Statut, 2002. Book 2. 800 pp.

[4] Shishkin S.L. Lessee as a Weaker Party in a Financial Lease (Leasing) Agreement // *Economy and Law in Russia and the World: Coll. Art. VIII Int. Res. and Pract. Conf.* / ed.: I.I. Ivanovskaya, M.V. Posnova. Petrozavodsk, 2024. Pp. 87–100.

[5] Shishkin S.L. Current issues of good faith and due diligence of the lessor in the conclusion, execution and termination of a sale and purchase agreement // *Academic science*. 2025. N 1. Pp. 68–71.

[6] Druzhinin G.V. Legal nature of fiduciary relationships // *ExLegis: legal research*. – 2016. – No. 1. – Pp. 26–29.

[7] Kolieva A.E. Features of fiduciary legal relationships in civilistic studies // *Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*. – 2016. – No. 2 (35). – Pp. 100–108.

[8] *Civil Law: Textbook. In 3 volumes. Vol. 1 / Edited by A.P. Sergeev. 2nd edition, revised and enlarged.* Moscow: Prospect, 2023. 1040 p.

[9] Borovaya L. D. Legal regulation of fiduciary (personal-trust) relationships // *Gaps in Russian legislation*. – 2008. – No. 2. – P. 139–140.

[10] Syrbo V.A. Domestic and foreign experience in civil-law regulation of fiduciary relations (history and modernity): specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; international private law»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Syrbo Vladislav Anatolyevich. – Moscow, 2009. – 216 p.

[11] Ioffe O.S. *Soviet Civil Law Moscow: Legal Literature*, 1967. 494 p.

[12] Gambarov Yu.S. *Course in Civil Law. Vol. 1: General Part*. St. Petersburg, 1911. 780 p.

[13] Regelsberger F. Two Parts of the Cession. *Archive of Civil Law*. 1880. Vol. 63. pp. 157–207

[14] Zikun I.I. The Structure of Trust Management in Civil Law: Non-Fiduciary Fiduciary Nature / I.I. Zikun

// *Bulletin of Civil Law*. – 2017. – Vol. 17, No. 3. – P. 52-103.

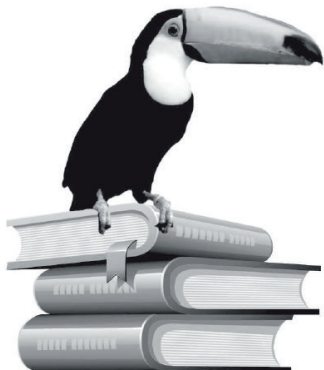
[15] Zorin V.S. Concept and Content of Fiduciary Legal Relationships // *Bulletin of Civil Law*. 2024. N 2. P. 220-241.

[16] Martin Gelter, Geneviève Helleringer. *Fiduciary Principles in European Civil Law Systems*. 2018. 41 p.

[17] Zikun I.I. Genesis of the Category of «Fiduciary Property» in European Civil Law // *Bulletin of Civil Law*. – 2018. – Vol. 18, No. 6. – P. 192-219.

[18] Blogs: Guskov D. On Relations (Fiduciary) [Electronic Resource] // Dmitry Guskov. 04.07.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/4/ob_otnosheniyah_fiduciarnyh#_ftn4 (date of access: 23.01.2026).

[19] Shishkin S. L. Presumption of bad faith of the lessor in the case of the lessee's guarantee for the supplier as a development of fiduciary obligations in leasing // *Theory and practice of social development*. – 2025. – No. 10 (210). – P. 315-321.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru